

Евгений Лавренчук

Я СМУТНО ПРЕДСТАВЛЯЮ, ЧТО ТАКОЕ ДРУЖБА

Автор

ИРИНА ПИВЕНЬ

Постановки Евгения Лавренчука вызывают бурю эмоций — от восхищения до негодования. Впрочем, как и личность самого молодого режиссера. В Томске он поставил три неоднозначных спектакля, сейчас работает над четвертым. Художественным оформлением занимается известный театральный деятель Ефим Руах. Весной мы увидим, не много не мало — «Анну Каренину».

-Расскажите о готовящейся постановке.

Е.Л.:

-Может, мы с Ефимом Борисовичем еще не до конца определились, что нам нужно, но уже точно поняли, чего делать не будем. Не будем делать взаимоотношенческую историю, которую делают все. Будем «вытаскивать» размышления Льва Николаевича о женщине, культуре, жизни и Боге. Во как! Такой подход снимет с бессмертного романа пелену сериальности.

Е.Р.:

-Русская литература, к сожалению, оказалась заложницей сериального мышления — ставятся вещи, которые не имеют никакого отношения к автору. Все эти истории любви — не любви — не цель Толстова, Тургенева или Достоевского. Это — средство. Средство высказать свою позицию. В биографии Льва Николаевича есть любопытный эпизод. Когда его спросили «Граф, по поводу чего вы писали „Анну Каренину“, и что хотели нам донести», он сказал «Чтобы ответить на ваш вопрос, я должен написать ее еще раз». Пока все постановки и экранизации великих произведений сводятся к тому кто,

с кем и когда. Я не говорю, что мы хватаем истину за горло, но мы, по крайней мере, пытаемся к ней прикоснуться и обозначить для русского театра другое направление.

-Направление, которое не предполагает пересказ произведения?

Е.Л.:

-Мы хотим снять проблему фабулы. И если после спектакля человек откроет роман — наша работа сделана.

Е.Р.:

-Сегодняшнее образование стремится к дайджестности. Это общая беда нашей культуры. На полках магазинов лежат краткие пересказы, в которых от оригинала не осталось ничего, кроме фабулы. Нет в них Толстого, нет его идей, его мыслей! Еще один пример — ЕГЭ. Вспомните — до единого госэкзамена тестовый уровень в России применялся только в одном случае — в школах для слаборазвитых детей... Вот и имеем поколение, которое ходит с «затычками» в ушах и говорит «не грузите».

Евгений Лавренчук о Томске:

-Город так себе — картинной галереи нет, театра оперы и балета нет... А люди хорошие! А знаете почему? Потому что сюда самых лучших ссылали! И тот же Флорнеский мог между «философским кораблем» и расстрелом согрешить, «прижить» ребенка с сибирячкой...

-В театрах тоже не всегда шедевры показывают...

Е.Р.:

-Бесспорно. Человек приходит в театр за чудом. И если он верит в то, что та фигура из трех пальцев, которую ему там показывают, и есть чудо, это его уровень. В следующий раз ему покажут комбинацию из двух пальцев, он и ее «схватит».

Е.Л.:

-Но даже неподготовленный зритель, попадая на хороший спектакль, почувствует разницу между качеством и суррогатом. Это не значит, что он поймет то, что хотел сказать ему автор, но разницу ощутит. Поэтому когда спрашивают, на кого рассчитан спектакль, говорю на всех — имеющий уши да услышит!

Е.Р.:

-Простой пример. Я веду ребенка 3-4-х лет на «Лебединое озеро» Чайковского, он там, естественно, ничего не поймет, но «аромат» высокого искусства почувствует. А когда этот ребенок учит наизусть стихи Пушкина, когда просто, не вдумываясь, выговаривает строки — в его сознании звучит музыка, которая выстраивает такие важные связи в период, когда у него формируется речь.

-На все есть мода. На идеи тоже. Что сейчас модно в театральном мире?

Е.Р.:

-«Религия» современного общества — потребление. Оно задает моду. И вся индустрия потребления направлена на то, чтобы мода менялась как можно чаще. Все, что

ни делается, делается на одну неделю. То же самое в литературной, театральной, живописной среде. И попытка убежать за модой — попасться на удочку потребительства. Мы за модой не гонимся. На сайте sensuga.ru наши ведущие философы рассуждают на эту тему даже введен новый термин. Он калькирован с французского и его звучание на русском имеет фантастическую семантическую окрашенность — «потреблятьство».

Е.Л.:

-Мода — это то, что нравится всем, для художника всех не существует.

-В таком случае, скажите, сторонниками какого искусства вы являетесь?

Е.Р.:

-Я за искусство, которое не читается однозначно.

Е.Л.:

-Для меня акт искусства — это что-то сродни монашеству, религиозному помазаничеству, здесь нет алгоритма.

Е.Р.:

-Говорим «искусство» — подразумеваем «творчество». Творческий момент либо есть, либо нет, остальное — дизайн, придумывание, капуста... Творчество — это переход из небытия в бытие, не мое определение. Все остальное — комбинатурика из того, что уже создано.

-Вы говорили о том, что когда рождалась «Анна Каренина», в московской кофейне вами, Евгений, было выпито два чайника кофе, вами, Ефим Борисович, два чайника чая...

Е.Л.:

-Я без кофе не могу, пью его, как минимум, два раза в день. Привычка. Даже ритуал.

Е.Р.:

-Ритуал, который запускает творческий процесс. Гете, к слову, открывал ящик письменного стола, в котором лежали яблоки, вдыхал их аромат, после чего на него снисходило вдохновение. Кант перед работой пргуливался по саду... А мы «выпиваем»!

-Скажите, пожалуйста, есть ли жизнь вне театра?

Е.Л.:

-Нет. Личной жизни у меня нет, нет друзей, нет подруг. Моя семья — это мой коллектив, мы живем коммуной. Говорить о том, что я с ними дружу... Ефим Борисович, вот мы с вами дружим или не дружим? Я смутно представляю, что такое дружба... Это игра в бильярд вечером? Или курение сигар и распитие шампанского в ресторане? Я не зря сравнил жизнь творческого человека с монашеством. Молитва, Бог, это все хорошо, а что он делает, когда все это заканчивается, когда приходит домой, расслабляется, когда начинается настоящая жизнь? Да нет у него другой жизни! И у нас то же самое.

Фото: Наталья Ломзова